

Сочинения А.А. Котляревского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С69

С69 Сочинения А.А. Котляревского / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 644 с.

ISBN 978-5-519-90740-8

ISBN 978-5-519-90740-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматикѣ.

1855.

Сегодня, 20-го декабря, второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ празднуетъ столѣтнюю годовщину замѣчательнѣйшаго явленія въ исторіи своей ученой дѣятельности — Русской грамматики Ломоносова.

На этотъ праздникъ высшаго ученаго сословія, безъ сомнѣнія, откликнется съ сочувствіемъ всякій, кому дорого родное слово. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ въ воспоминаніе незабвеннаго труда Ломоносова на пользу науки русскаго слова.

До сихъ поръ еще не оцѣненъ вполне подвигъ Ломоносова: его грамматика, непростительнымъ образомъ, забыта: ее читаютъ немногіе; другіе же, не исключая нѣкоторыхъ новѣйшихъ грамматистовъ, не хотятъ даже вспомнить, чѣмъ обязаны они ей! Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, предположивъ ознаменовать столѣтнюю годовщину первой Русской грамматики — новымъ изданіемъ ея¹⁾, конечно воздастъ должное заслугѣ Ломоносова и достойнымъ образомъ оцѣнитъ трудъ его; мы же ограничимся однимъ общимъ взглядомъ на дѣло Ломоносова въ отношеніи къ наукѣ русскаго языкознанія.

1) Извѣстія 2-го Отдѣл. Императорской Академіи Наукъ, т. 4-й, вып. 5-й, р. 252. Протоколъ засѣданій.

Не будемъ останавливаться на томъ, какой переворотъ въ литературномъ языкѣ былъ сдѣланъ Ломоносовымъ, какъ собственнымъ примѣромъ сумѣлъ онъ утвердить за русскимъ языкомъ права гражданства въ литературѣ и опредѣлить его отношенія къ языку церковно-славянскому. Всѣмъ извѣстно, какъ съ Ломоносова началась та рѣчь, которою мы пишемъ донинѣ и будемъ писать; мы займемся его теоретическими трудами для русскаго слова, его грамматикой, разсужденіемъ о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ, планомъ его филологическихъ занятій. Они были слѣдствіемъ преобразованія литературнаго языка; въ нихъ Ломоносовъ выражалъ теоретически то, что прежде совершилъ на практикѣ; ими онъ, такъ сказать, ограждалъ отъ всякой неприязни свое литературное дѣло. Какъ это дѣло было во всѣхъ отношеніяхъ ново и неожиданно, такъ и теоретическій трудъ его былъ первымъ опытомъ Русской грамматики, началомъ, изъ котораго, впослѣдствіи, развилась вся теорія русскаго языка. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, Ломоносовъ является одинъ, почти не имѣя предшественниковъ; въ обоихъ отношеніяхъ ему принадлежитъ, по праву, честь устроителя русскаго языка и создателя собственно Русской грамматики.

Какъ ни мало имѣемъ мы свидѣтельствъ о томъ, по какимъ грамматическимъ руководствамъ учились *язычной мудрости* предки наши, но все же и по существующимъ даннымъ можно утвердительно сказать, что до Ломоносова не было и не могло быть *Русской* грамматики. Это подтверждается какъ характеромъ древняго русскаго образованія и литературы, такъ и дошедшими къ намъ отъ того времени грамматическими руководствами.

На какомъ же языкѣ воспитывались наши предки?

Одну изъ задачъ современной славянской филологіи, задачу, полное рѣшеніе которой нынѣ едва ли возможно, составляетъ вопросъ о разграниченіи двухъ стихій нашего древняго письменнаго языка: церковно-славянской и собственно-русской.

Историческія условія неразрывными узами связали эти двѣ стихіи въ одинъ сплошной языкъ, какой мы встрѣчаемъ во всѣхъ

памятникахъ древней русской литературы: имъ писаны лѣтописи, поученія пастырей церкви, житія св. угодниковъ Божіихъ, самыя свѣтскія произведенія, каковы: Слово о Полку Игоревѣ, посланіе Даніила Заточника и др. Никто, кажется, не станетъ утверждать, что языкъ этихъ произведеній, сколь бы ни была значительна въ немъ русская стихія, есть языкъ собственно русскій; никто также не станетъ оспаривать и того, что онъ существенно отличенъ отъ языка устныхъ произведеній русскаго народа, языка, который очень близокъ къ разговорной рѣчи. Поэтому, нѣтъ никакихъ причинъ не принять того мнѣнія, что на Руси встарь было два языка: церковно-славянскій и русскій.

Назначить точные предѣлы употребленію того и другого нѣтъ никакой возможности: во многихъ случаяхъ эти двѣ стихіи древняго русскаго литературнаго языка такъ нераздѣльно, крѣпко сливаются одна съ другою, что рѣшительно нѣтъ средствъ, безъ опасенія посягнуть на цѣлостность древнихъ формъ того или другого языка, указать на то, что именно въ нихъ церковно-славянскаго и что собственно русскаго... Подобный анализъ, впрочемъ, едва ли можетъ быть названъ вполне необходимымъ, — и наши изслѣдователи языка славянскаго на мѣсто его ставятъ другую, болѣе важную задачу: обозначеніе вліянія русскаго элемента на церковно-славянскій¹⁾.

«Loquendum est Russice, scribendum — Slavonice», говорить одинъ иностранецъ XVII столѣтія о нашемъ языкѣ того времени, и эти слова его, какъ нельзя лучше, могутъ быть приложены и къ болѣе отдаленной древности: языкомъ вѣры, литературы и вообще всего, что сколько-нибудь выступало изъ колеи обыденной жизни въ древней Руси, былъ языкъ церковно-славянскій; языкомъ же разговора, ежедневнаго употребленія — языкъ собственно русскій. Понятно отсюда, въ какомъ отношеніи стояли оба языка къ дѣлу *наученія книжнаго*, дѣлу, къ ко-

1) В. И. Григоровича. Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. Казань, 1852 г., р. 14—15.

торому прилежали пастыри церкви и люди книжные — дѣятели литературы: языкъ русскій, ограниченный сферою домашняго быта, уступалъ право гражданства языку образованности—церковно-славянскому. Поэтому-то и всѣ древнѣйшія грамматическія руководства славянскаго языка имѣли основаніемъ своимъ языкъ перевода книгъ Св. Писанія.

Вѣроятно, грамматическія правила церковно-славянскаго языка были въ большомъ ходу въ старину, и ими пользовались старинные переводчики Св. Отцевъ церкви и вся *книжная чадь*¹⁾; иначе, какъ объяснить эту необыкновенную правильность и послѣдовательность въ употребленіи формъ древняго славянскаго языка, какую встрѣчаемъ мы въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ русскаго, болгарскаго и сербскаго изводовъ? Но отъ древности дошло къ намъ мало славянскихъ грамматикъ—и то, по большей части, копіи съ греческихъ. Такъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій, въ своемъ переводѣ Дамаскина *Объ осмихъ честныхъ слова*²⁾, уже предлагаетъ и нѣкоторыя замѣтки о церковно-славянской рѣчи, примѣняя ихъ къ греческимъ правиламъ; а сокращеніе грамматическаго опыта о бунвахъ Константина, философа Костенческаго, по замѣчанію его издателя, имѣетъ образцомъ своимъ подобное же сочиненіе греческаго грамматика Мануила Мосхопола, подражая которому, философъ Костенческій пытался подвести подъ греческую теорію звуки церковно-славянскаго языка³⁾. Въ такомъ чисто-греческомъ направленіи продолжала развиваться грамматика славянская и далѣе: *Ἀδελφότης, грамматика доброгомоливана эллино-славянскаго языка*, написанная студеями Львовской школы въ 1591 г.; грамматика

1) В. И. Григоровича. Статьи, касающ. древн. слав. языка. Казань, 1852, р. 25—31.

2) К. Калайдовича, Іоаннъ Екзархъ Болгарскій. М. 1824 г., р. 76, 79, 130—1.

3) В. И. Григоровича. Статьи, касающ. etc., р. 32. Въ этихъ *словесахъ екратцѣ*, избранныхъ отъ книги Константина Костенческаго, насъ останавливаетъ указаніе на Терновскіе и Рессавскіе изводы грамматическихъ правилъ древняго славянскаго языка для людей книжныхъ, чѣмъ лучше всего доказывается существованіе подобныхъ правилъ въ древности. См. стр. 36—38, 48—49.

протоіерея *Лаврентія Зизанія* 1596 г., хотя и писанная на малороссійскомъ книжномъ нарѣчій; *Грамматикки славянскія правильные Синтагма* Мелетія Смотритскаго, напечатанная впервые въ 1618 г.¹⁾.—Всѣ они обыкновенно брали готовую схему греческой грамматики и подъ ея правила подводили теорію церковно-славянскаго языка... Русскій элементъ является только уже въ московскомъ изданіи грамматики Смотритскаго и состоитъ въ замѣнѣ нѣкоторыхъ *необыкновенныхъ* флексій и формъ церковно-славянскаго или польскаго языка — великорусскими; ибо «наста нужда собрати отъ различныхъ въ кратцѣ сію граматіку, съ приложеніемъ *простыхъ* реченій, понеже въ ней (Мелетіевой) *обдержатся славянская реченія Россійски въ малъ разумъяема*»²⁾. Иностранецъ Лудольфъ, кажется, первый далъ перевѣсъ русской стихіи предъ церковно-славянскою въ своей *Grammatica Rossica*. Охоніи 1696 г. Не отказывая автору этой грамматики въ извѣстной долѣ *пониманія* тогдашняго состоянія русскаго языка, мы, однако, не можемъ приписать ему какое бы ни было вліяніе на Ломоносова. Если послѣдній дѣйствительно зналъ грамматику Лудольфа, то въ ней ему нечѣмъ было воспользоваться: Лудольфъ едва зналъ нашъ языкъ и напечаталъ свою грамматику, — употреблю счастливое выраженіе Каченовскаго, — единственно для пробы новыхъ славянскихъ буквъ, отлитыхъ въ Оксфордѣ.

Въ такомъ состояніи находилось русское языкознаніе, когда Ломоносовъ взялся установить теорію русскаго слога³⁾. Опыты

1) Я не упоминаю о мнимой критической грамматикѣ, написанной на сербскомъ и сличенной съ языками русскимъ, польскимъ, кroatскимъ и нарѣчіемъ бѣлорусскимъ. См. Калайдовича, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, р. 120—1. Она не имѣла хода въ нашемъ отечествѣ и, вѣроятно, не была извѣстна Ломоносову; равнымъ образомъ не останавливаюсь я и на правилахъ словенской орфографіи, напечат. у Калайдовича, стр. 255—276, и предлагающей правила не языка, а правописанія только.

2) Слова изъ предисловія къ сокращ. Мелетіевой грамматикѣ, сдѣланной въ 1723 г. Ѳ. Максимовымъ, стр. 3.

3) Превосходно охарактеризовалъ это состояніе русской грамматики крестьянинъ Посошковъ, сказавъ, что «нынѣ напечатано въ Москвѣ тысячъ пять, шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія». Соч. Посошкова, изд. Погодина. М. 1842 г., стр. 11.

предшественниковъ въ этомъ отношеніи, какъ видно, немногимъ могли служить ему, если бы онъ самъ не имѣлъ въ себѣ силы создать русскую грамматику, осуществить въ теоріи то, что было сдѣлано имъ же, прежде, на практикѣ. Всѣ предшествовавшіе ему грамматисты (кромѣ Лудольфа) давали исключительный перевѣсъ церковно-славянской стихіи надъ русскою, рабски держась правилъ греческой грамматики и подводя подъ нихъ всѣ самобытныя, исконныя особенности церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Такое насилуваніе славянскаго языка, такое посягательство на лучшія древнѣйшія его формы только пзъ-за того, чтобы сдѣлать его *равнымъ* эллинскому языку, имѣло сильное, хотя и отрицательное вліяніе на Ломоносова: оно заставило его измѣрить глубину и силу обоихъ языковъ, зорко всмотрѣться въ ихъ особенности. Плодомъ этого было разсужденіе о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ и Россійская грамматика, которой сегодня исполнилось сто лѣтъ. Ломоносовъ приступилъ честно къ дѣлу, безъ преднамѣренія *возвысить* достоинство своего языка натяжкою его флексій и синтаксиса на формы языка греческаго¹⁾. Онъ оставилъ этотъ обычай прежнихъ грамматистовъ, и тѣмъ самымъ призналъ уже самостоятельность двухъ языковъ, или двухъ стихій древняго литературнаго русскаго языка, церковно-славянской и русской. Отправляясь отъ мысли, общей всѣмъ грамматистамъ-практикамъ, «что общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а особливая, какова Россійская грамматика, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто руссѣйскимъ языкомъ по лучшему и разсудительному его употребленію»²⁾, Ломоносовъ, естественно, долженъ былъ дать перевѣсъ русской стихіи, но не въ ущербъ церковно-славянской, являющейся въ его философіи языка русскаго необходимою, существенною частію его, чѣмъ-то нераздѣльнымъ, свя-

1) Россійская грамматика Ломоносова, 1-е изд. 1755 г., стр. 20, 21, 24 и 28. И во всемъ своемъ трудѣ почти на каждой страницѣ Ломоносовъ явно возстаётъ на подчиненіе языка славянскаго формамъ греческой грамматики.

2) Россійская грам. 1-е изд. 1755 г. Спб., стр. 38.

заннымъ историческими воспоминаніями и условіями, освященнымъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ протекшей русской жизни. Такъ явилась *первая* собственно Русская грамматика: стихія русская легла въ основу ея, церковно-славянская же явилась дружною помощницею... Дѣйствительно, достаточно одного легкаго знакомства съ грамматикою Ломоносова, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ, и мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь изъ нея два, три мѣста, подтверждающія это мнѣніе. О родительномъ падежѣ единственнаго числа сущест. им. род. мужеск. § 167: «Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣють въ родит. у и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ *словенскаго отходятъ*; а словенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ *а*: размахъ, размаху и пр.». О дѣепричастіи, § 351: «Дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у *точныхъ російскихъ* глаголовъ, *нежели* у *тѣхъ*, которые *отъ словенскихъ* происходятъ; и напротивъ того, дѣепричастія на *я* употребительнѣе у *словенскихъ*, *нежели* у *россійскихъ*. Напримѣръ, лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того, лучше употребить *держая*, нежели *держачи*...» и пр. (стр. 125). Итакъ съ Ломоносова началась первая русская грамматика; методъ, употребленный имъ въ разложеніи стихій языка, былъ методомъ въ то время общимъ всему европейскому языкознанію: школа Готшеда, съ ея чисто-практическимъ воззрѣніемъ на науку языка, какъ на средство правильно говорить и писать, съ одной стороны; философское начало, внесенное въ науку Куръ-де-Жебленомъ съ другой, составили тотъ методъ и воззрѣніе на языкъ, которыми характеризуется грамматика Ломоносова.

Ограничившись преимущественно практическою стороною дѣла и достигая въ извѣстной степени своей цѣли, это воззрѣніе на языкъ не исчезло и понынѣ, несмотря на плодотворные успѣхи сравнительно историческихъ разысканій В. Гумбольдта, Боппа, братьевъ Гриммовъ въ наукѣ языковѣдѣнія. Наши грамматисты-практики въ этомъ отношеніи недалеко ушли отъ Ломоносова и, будучи обязаны его грамматикѣ фундаментомъ, на-

чаломъ своихъ трудовъ, они, съ одинаковымъ правомъ, могутъ вести и начало своего метода, взгляда на языкъ, отъ той же грамматики Ломоносова. Вотъ значеніе грамматическаго дѣла Ломоносова для нашихъ русскихъ грамматистовъ-практиковъ. Созданіемъ собственно Русской грамматики не ограничивается подвигъ Ломоносова: предчувствуя важное значеніе для науки народныхъ (областныхъ) словъ и выраженій, Ломоносовъ внесъ ихъ въ свою грамматику и тѣмъ положилъ камень во главу угла современной науки русскаго языкознанія. Современники не поняли этой мысли Ломоносова и упрекали его въ томъ, что «онъ московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ», что «въ его грамматику вошло множество порчи языка»¹⁾ и пр.; ближайшіе потомки не обратили на нее (мысль Ломоносова) вниманія, и только наука, благодаря своимъ успѣхамъ въ настоящее время, оправдала ее и воздала ей должное.

Такова, по нашему мнѣнію, заслуга Ломоносова для русскаго языкознанія: онъ первый, повторяю, создалъ русскую грамматику, далъ языку русскому право гражданства въ литературѣ, опредѣлилъ его отношеніе къ языку церковно-славянскому, предложилъ правила для практическаго его употребленія и, наконецъ, указалъ на лучшій путь въ наукѣ языка, на значеніе народнаго элемента.

Великъ этотъ подвигъ Ломоносова, установителя, нарядчика русскаго языка; вѣчно памятенъ онъ для потомства, благодарныхъ чувствъ котораго къ своему незабвенному поэту и грамматисту достойнымъ органомъ является сегодня высшее русское ученое сословіе, празднуя столѣтіе первой русской грамматики!

1) Сочиненія Сумарокова, изд. Нов. Ч. 10-я, стр. 5 и слѣд.

„О лѣтописи Якимовской“, П. А. Лавровскаго.

1856.

Въ наукѣ русской исторіи едва ли сыщется хоть одинъ вопросъ, которому бы назначена была такая злая судьба, какъ вопросу о Лѣтописи Якимовской! Каждая черта русской исторіи, особенно древней, какъ бы ни была она мелка, вызываетъ не только вниманіе, но и строгій, ученый споръ; почти каждый вопросъ въ русской исторической наукѣ имѣетъ свою литературу, своихъ защитниковъ и враговъ. Якимовская Лѣтопись можетъ похвалиться только этимъ послѣднимъ, да и здѣсь, какъ хвалиться тѣмъ, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оно покажетъ одну общую къ себѣ невнимательность! Въ то время, когда лѣтопись преподобнаго Нестора, какъ памятникъ русской исторіи, когда родовой и общинный бытъ, какъ ея явленія — вызывали и вызываютъ такіе жаркіе ученые споры и разнообразныя мнѣнія, въ это время, заклеянный позорнымъ именемъ Татищевскаго подлога, отрывокъ Якимовской Лѣтописи не находилъ ни друзей, ни враговъ: ей вѣрили и не вѣрили, находили въ ней истину и отрицали ее; все это дѣлалось, какъ говорится, спустя рукава. Это былъ одинъ изъ самыхъ сонныхъ вопросовъ русской исторической науки. Только въ послѣднее пятнадцатилѣтіе вопросъ о Якимовской Лѣтописи началъ вступать въ свои права, и предъявилъ справедливыя требованія на вниманіе ученыхъ.

Академикъ П. Г. Бутковъ въ своей «Оборонѣ и т. д.» первый оправдалъ нѣкоторые факты отрывка Якимовской Лѣтописи. За нимъ преосвященный Макарій (1846 г.), профессоръ С. М. Соловьевъ (1851 г.) и нѣкоторые другіе, оправдывая въ своихъ историческихъ трудахъ все болѣе и болѣе многія извѣстія этой лѣтописи, успѣли утвердить въ другихъ вѣру къ ней, и тѣмъ самымъ указали на необходимость подробнаго изслѣдованія вопроса о Якимовомъ отрывкѣ. И вотъ выходитъ новый

трудъ г. Лавровскаго: «Исслѣдованіе о Лѣтописи Якимовской», о которомъ постараемся дать отчетъ читателю, на сколько позволить статья газетнаго фельетона.

Еще прежде, мѣсяца за два до полученія книги г. Лавровскаго, прочли мы въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемомъ Н. В. Калачовымъ (книга 2, пол. 1-я), статью профессора С. М. Соловьева: «Писатели Русской Исторіи 18-го вѣка», гдѣ помѣщена подробная характеристика дѣятельности Татищева. Личность и дѣятельность Татищева такъ тѣсно связаны съ вопросомъ о сохраненномъ имъ отрывкѣ Якимовской Лѣтописи, что, говоря о первомъ, нельзя обойти второго, и г. Соловьевъ посвящаетъ ему нѣсколько (23, 25, 38, 39) страницъ своей статьи. Разсматривая только одну сторону вопроса, именно участіе Татищева въ сохраненіи отрывка и его добросовѣстность въ этомъ случаѣ, профессоръ непререкаемыми доводами снимаетъ черное пятно, наложенное на его полезную, изумительную своею громадностью дѣятельность Шлецеромъ съ братіей. Статья профессора превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, и мы совѣтуемъ прочесть ее съ трудомъ г. Лавровскаго, къ которому и возвращаемся. Исслѣдованіе о Лѣтописи Якимовской авторъ начинаетъ изложеніемъ судьбы этого вопроса въ исторической наукѣ. Здѣсь находится очень вѣрное опредѣленіе характера дѣятельности Шлецера по отношенію къ русскимъ писателямъ исторіи вообще и Татищеву въ особенности; потомъ слѣдуетъ глава объ открытіи Лѣтописи Якимовской (17—22), какъ внѣшнія доказательства ея неподдѣльности; далѣе разборъ первой половины Якимовской Лѣтописи, вмѣщающей въ себѣ событія до-Рюриковскаго времени (22—43), разборъ второй половины ея съ событіями времени историческаго (43—81) и наконецъ заключеніе въ пользу отрывка. Еслибъ было принято дѣлать приговоры а priori, мы сказали бы, что сочиненіе г. Лавровскаго, при всѣхъ своихъ ученыхъ достоинствахъ (а ихъ очень много), не есть послѣднее слово русской исторической науки о Лѣтописи Якимовской, и